

*Thanks & regards людям,
которые инспирировали рождение
некоторых героев этого романа*

*Андрею Рывкину
Ирине Петровой
Фуаду Ибрагимбекову
Денису Попову
Анатолию Тупицыну
Петру Гуленко
Роберту Минасяну
Жоре Павленишвили и People
@ Padla production poker club:
Мише Семизу
Ованесу Баграмову*

*Leave me dreaming on the bed
See you right back here tomorrow
For the next round
Keep this scene inside your head
As the bruises turn to yellow
The swelling goes down
And if you're ever around
In the city or the suburbs
Of this town
Be sure to come around
I'll be wallowing in sorrow
Wearing a frown
Like Pierrot the Clown
Placebo. Pierrot the Clown*

*Maybe, maybe it's the clothes we wear
The tasteless bracelets and the dye in your hair
Maybe it's our kookiness?
Or maybe, maybe it's our nowhere towns
Our nothing places and our cellophane sounds
Maybe it's our looseness?
But we're trash, you and me
We're the litter on the breeze
We're the lovers on the streets
Just trash, me and you
It's in everything we do
It's in everything we do...*

Suede. Trash

ИНТРО

*Уберите из первого ряда
грустного мужчину!*

Жанна Агузарова

— У тебя такие пушистые ресницы! — Таня устроилась у меня на груди, положив голову на руки.

— Угу, — соглашаюсь я.

— Пушистые-пушистые! Как у девочки. — Она запускает руку мне в волосы. — Тебе об этом говорили? — Таня выдерживает паузу, видимо ожидая отрицательного ответа «никто никогда», или смущения, или жарких объятий наконец.

— Говорили. — Я перевожу взгляд на потолок. «Может, светильник сменить? С другой стороны — этот вполне себе нечего».

— Часто? — делает она последнюю попытку, перед тем как сыграть в обиженную.

— Часто. — Теперь я смотрю прямо на нее, чуть склонив голову на бок. — Последний год чаще, чем прежде.

— Это оттого, что ресницы у тебя действительно необыкновенные. — Как любая умная и быстро обучаемая девочка Таня соображает, насколько глупо будет выглядеть, лежа голой и обидевшейся из-за того, что ее банальный комплимент не нашел во мне живого человеческого отклика.

«Нет, зайка, это оттого, что я холост, у меня большая квартира, красная “Веспа” и лучшее шоу на молодежном канале. Поэтому у меня необычайно пушистые ресницы, нежные пальцы, красивые губы, большой член... Что там еще? Ты могла бы сказать, что у меня пушистая спина, если бы это катило за респект моему мужскому либидо. Но мы не армяне, зайка», — думаю я, но вслух предполагаю:

— Наверное...

Она скатывается с моей груди и ложится на спину. Некоторое время мы лежим молча. Таня выжидает ответного комплимента. Следуя заданному ею лицемерному фарвартеру мне, вероятно, следует оглядеть ее подтянутое тело, плоский живот, высокую грудь, призывные бедра и сказать что-нибудь о ее высоком интеллектуальном уровне. Что-то такое, объясняющее, что она лежит в моей постели не потому, что ей двадцать три года и она хорошо трахается, а потому, что мне с ней, например... *интересно*. Вместо этого я кладу ей руку на живот и щекочу пальцем.

— Тебе хорошо со мной? — задает она вопрос, который вот уже три тысячи лет возглавляет посторгазмический хит-парад.

— Мне давно не было так хорошо. — Я пытаюсь изобразить самую проникновенную улыбку, хотя мне и в самом деле было очень хорошо. Что делать, уж в такое откровенное время мы живем. Женщины имитируют оргазм, мужчины — комплименты.

— Давай покурим? — Она сладко потягивается.

— Я в спальне не курю...

— А твои девушки?

— Даже мои мальчики, зайка. — Я снова улыбаюсь. — Я же тебе сказал, у меня редко бывают девушки.

— А откуда у тебя в ванной столько женской косметики? — Она игриво щелкает меня по носу.

— Пена дней, — делаю я попытку увернуться.

— Чего? В смысле?

— Не засоряй свою прелестную головку всякой ерундой! Это не ванная, это бюро забытых вещей. Тут вся квартира в вещах моих приятелей или их подруг.

— Что-то я не заметила на дверях таблички «Общезитие». Может, ты сдаешь квартиру?

— У тебя потрясающее чувство юмора! — Я целую ее в нос. Кажется, я начинаю говорить правду. Женщины определенно делают меня более искренним. А значит, лучше?

— Андрей, а как ты живешь один? — Таня покручивает на пальце прядь волос. — В смысле, при твоём графике. Кто тебе убирает, следит за всем этим? — Она обводит рукой спальню. — Вот скажи, ты вообще ешь дома? Вот моя мама, например, готовит потрясающие...

— ...суши? Нет? Неужели котлеты?! — Я начинаю оглядываться по сторонам, понимая, что разговор подходит к тому моменту, когда надо либо зевать, либо свалить. — Я вообще не ем, камера полнит. А следит за этим домработница.

— Скажи, а тебе бывает одиноко? — Таня садится и кладет голову на колени.

«Да почти всегда, милая! А ты — именно тот человек, который спасет меня от одиночества. Дайте-ка подумать, что я должен тебе ответить? Останься у меня ночевать? Или — почему бы тебе не переехать? И тогда, буквально со следующей минуты, ты приведешь в порядок “все это”, уберешь квартиру, наваришь мне вкусной и питательной домашней пищи, которую я ненавижу. Начнешь “исправлять” меня, заставишь “непредвзято посмотреть на своих друзей”. Что ты еще сделаешь?»

Но ответить я не успеваю, в дверь звонят.

— Антон, наверное, заехал, — говорю я, ловя вопро-
сительный взгляд Тани. — Он всегда без звонка.

Встаю и, не одеваясь, шлепаю смотреть, кто пришел.
На экране домофона лицо Маши, моей подруги. Ну, или
постоянной девушки, как она думает. Или притворяется,
что думает. Лицо довольно злобное, надо заметить.

— Андрей, я знаю, что ты дома! — громко заявляет
Маша.

Интересно, почему? Мопед у двери? Ну и что, может,
я на чьей-нибудь машине уехал. По уму, не следовало бы
открывать, но прикинув, что эта оголтелая начнет трез-
вонить, потом колотить в дверь, а я все это время вы-
нужден буду шипеть Тане: «Это пьяная соседка, не знаю,
что ей нужно!» — решаю открыть. В любом случае, при
личном контакте слить ее будет легче. Я оглядываюсь
по сторонам, хватаю Танины туфли и швыряю их в свою
спортивную сумку.

— Ты телефон потерял? — с порога интересуется
Маша.

— Не терял, а что?

— Я звоню тебе целый день, почему не подходишь?

— Я... я работал, душа моя. У меня в среду шоу, нуж-
но готовиться, понимаешь?

— Ты последний раз к нему готовился год назад.

— Тогда мы еще не были знакомы, — напоминаю я.

— Мы так и будем стоять в прихожей? — делает она
попытку прорыва.

— Маш, знаешь, — я сипло кашляю, пытаюсь вызвать
прилив мокроты, — я себя не очень хорошо чувствую,
я спал.

— Может, тебя полечить? — Она недобро прищури-
вается и делает шаг вперед.

— Маша, давай встретимся вечером! — Я тоже делаю
шаг вперед. — Мне правда нехорошо, я хочу выспаться.

— Ты не один! — заключает Маша. — Впрочем, мне это неинтересно.

— В смысле? — я не верю, что все так хорошо, а главное, так быстро закончилось.

— Я уйду, Миркин, — и она садится на банкетку.

— Мы увидимся вечером, так? — Я не понимаю, какого черта она села, уходя.

— Нет, Миркин, ты не понял! Я уйду от тебя. — Пауза в ожидании реакции. Я хмурю лоб, вспоминая о томящейся в спальне Тане. — Ты не привык, что тебя девочки бросают, да? Ты же у нас сердцеед!

— Я не понимаю, Машенька, ты пришла поскандальить?

— В моей джинсовой куртке блеск для губ, которым я не пользуюсь. Как ты думаешь, Андрюша, откуда он?

— Это «Что? Где? Когда?»? Откуда я знаю? — Маша начинает меня нервировать. — Может, твоя подруга оставила!

— Куртка до вчерашнего вечера висела у тебя, дорогой! — выстреливает она мне в левый глаз.

— У меня?! Дома?! — Я ищу варианты. — Может, Антон или еще кто-то приезжал с подругой, той стало холодно, и я предложил ей твою куртку. А подруга забыла в ней свой блеск для волос.

— Для губ.

— Для губ. В общем, что за допрос, а?

— Конечно забыла. И еще забыла твою визитку с номером мобильного! — делает Маша контрольный выстрел. А я совершенно точно вспоминаю, на ком была ее куртка вчера вечером, и это выводит меня из себя. Яна! Вот же тупица! А главное, что за пренебрежение! Забыть мою визитку! Можно подумать, ей телезвезды каждый день свои мобильные оставляют.

— Маш, я думаю, ты сама ее когда-то там оставила, а теперь придумываешь всякую ерунду. Давай поговорим вечером!

— Давай не будем говорить, а?

— Хорошо, давай не будем об этом говорить.

— Я хочу забрать свои вещи, — говорит она довольно жестким тоном.

— Когда?

— Сегодня! Сейчас!

И, с одной стороны, не стоит ей препятствовать, потому как в последнее время девушки редко проявляют подобную инициативу. Иные, кажется, обладают талантом не просто переехать к тебе, молниеносно наполнив квартиру своими вещами, но въедаться в ее стены так, что выкурить их можно только горячим паром. С другой стороны — спальня. Наша Таня горько плачет и все такое.

— Я привезу тебе вещи сегодня вечером.

— Нет, я приехала, чтобы забрать их сейчас! — Машино лицо изображает недюжинную работу интеллекта, она вся подбирается, вжимается в банкетку и выпаливает: — Кстати, Миркин, а почему ты голый?!

«Вау! Действительно, почему? А я настолько хорошо чувствую себя в своем теле, что даже не заметил. Вот что значит отсутствие комплексов! Почему же я голый? Зайди ты на полчаса раньше, нашла бы на мне из одежды только презерватив! Считаю, тебе повезло, зайка!» Я смотрю на нее сверху вниз, она чуть запрокинула голову и не спускает с меня глаз. Между нами только мой член. Как немой укор.

— Я... я же сказал тебе, я спал... зайка...

В этот момент Маша вскакивает, отодвигает меня и чешет вперед. Я спотыкаюсь о спортивную сумку и слышу, как она верещит уже из спальни:

— Нет, ну я так и думала! Это даже неинтересно!

Маша мечется по спальне, раздвигает двери шкафа-купе, выдвигает ящики и лихорадочно сгребает свое нижнее белье, футболки, платья и прочий реквизит в большую дорожную кожаную сумку коричневого цвета. Как-только я пересекаю порог спальни, она подбегает ко мне, отвешивает пощечину и оборачивается к Тане:

— Вам, девушка, наши семейные разборки не мешают?

— Протестую! — Я поднимаю руку вверх. — Мы не женаты!

— Что вы, что вы! — бухтит Таня, укрывшись одеялом до самых глаз. — Мне как девушке молодой и неопытной это очень полезно!

«А семилетнюю разницу в возрасте отмечать — это по-нашему! Это ниже пояса».

— Ну не кокетничайте, девушка! Вы не так уж молоды, а опыт вам ваш партнер передаст очень быстро. Правда, ЗАЙКА?! — Она наотмашь лупит меня сумкой.

«Маши все-таки будет иногда не хватать. Какое чувство юмора! Вот что значит гуманитарное образование». Я уворачиваюсь, задеваю ногой за прикроватную тумбочку и шлепаюсь на пол, успев подставить руки:

— Девушки, раз вы так мило щебечете, может, нам прекратить этот театр теней и... втроем, ну, вы понимаете, — я закрываю рукой половину лица и начинаю давиться смехом. Машу, наоборот, душат рыдания. Она снова подлетает ко мне и лупит уже куда придется, и я поскорее ретируюсь из спальни, практически на четвереньках.

Минут десять проходят относительно тихо. Слышны лишь Машины всхлипывания и грохот задвигаемых ящиков. Наконец она выбегает из спальни с сумкой напере-

вес. Отворачивает от меня зареванное лицо, доходит до двери и начинает судорожно греметь ключами:

— Открой! Слышишь?! Немедленно открой мне дверь, — визжит Маша, — выпусти меня!!!

— Она открыта! — Я поднимаюсь с пола. — В другую сторону толкни...

— Скотина! — бросает она напоследок и хлопает дверью.

Я подхожу к двери, приоткрываю ее, оставляя безопасную щель, и говорю вслед этой мегере:

— Хотел бы напомнить, мадам, что сумка, в которой вы транспортируете свои вещи, все-таки моя. Мне будет не с чем ездить в командировки, дорогая!

— Самовлюбленный болван! Тварь! Ненавижу тебя, — несетя от лифта.

— И импотент! Ты забыла добавить. — Я прикрываю дверь. В нее немедленно что-то бухает. «Сто процентов кожу поцарапает. Или ручку порвет», — сожалею я про себя и возвращаюсь в спальню.

Таня уже оделась, забрала волосы в хвост и озирается по сторонам.

— Эта неврастеничка прихватила что-то из твоей одежды? Не обращай внимания, зайка, это старая история. Никак не заберет остатки своих вещей. — Я бессильно развожу руками.

— При этом в остатках нижнее белье. Никогда не видела «бывших», которые забирают свои колготки и трусы в последнюю очередь! — Таня презрительно смотрит куда-то в область моего члена.

— Там были трусы?! Надо же! — Я оглядываюсь, соображая, что бы на себя натянуть.

Мы вместе выходим в прихожую, и я внезапно чувствую такую усталость от всей этой бодяги, что не нахожу ничего лучше, чем сказать:

— Ты уже уходишь? Может, кофе выпьем? Или вина? — и получаю звонкую пощечину. Стоит заметить, что у Тани удар сильнее.

— О! — вскрикиваю я. — Кажется, я только что случайно наступил на чьи-то моральные принципы!

— У тебя редко бывают девушки?! — Она пытается залепить мне вторую, но я уворачиваюсь.

— Ужель та самая Татьяна?! Значит, ложиться в постель с малознакомым, но довольно известным молодым человеком после одного совместного обеда можно, а случайно пересечься с его девушкой нельзя? Поясните дискурс, я как-то отстал.

— Мудак! — цедит Таня. — Где моя обувь?

— В пизде! — довольно внятно отвечаю я и иду в гостиную. Ненавижу слово «обувь». Жуткая казенщина. — Дверь открыта.

Через несколько секунд дверь действительно хлопает с другой стороны квартиры. Вернувшись в прихожую, я достаю из сумки туфли, отношу к лифту и аккуратно вручаю их Тане:

— Босоно-о-ога и простоволо-о-оса ступаешь ты на этот путь, дочь моя! Я б тебя перекрестил на дорогу, но я еврей...

От ее ответа меня спасает приехавший лифт. Я возвращаюсь в квартиру, подхожу к большому зеркалу и осматриваю лицо. Царапины от чьих-то ногтей все же остались. Сорвут мне когда-нибудь эфир эти девушки, как пить дать!

Я смотрю на себя в зеркало и думаю, что поселять девушек дома нельзя, даже временно.

— Это все-таки семейный очаг, тепло, уют, выпивка и все такое, — разговариваю я со своим отражением. — Дом превратился черт знает во что. Нечто среднее между борделем и школой злословия. Так нельзя,